

ЕЛЕНА САУЛИТЕ

ТЫСЯЧУ
ЛЕТ НАЗАД...

16+

Елена Саулите

Тысячу лет назад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66623530

SelfPub; 2021

Аннотация

Мне захотелось поблагодарить читателей, сделав подарок в виде истории под названием «Тысячу лет назад...». Полчаса головокружительной романтики рассказа вернут вас в юность, в те яркие эмоции, которые испытываешь лишь раз в жизни. Это трогательное лиричное повествование о внезапно случившейся любви.

Елена Саулите

Тысячу лет назад

Кажется, это было тысячу лет назад. Но нет. Не тысячу. Мне тогда было двадцать семь лет...

Меня ожидал поезд Москва – Брест – Варшава. В конце восьмидесятых советские войска дислоцировались в братской Польше, гарантируя последней защиту социалистических идеалов. Защищать, откровенно говоря, было уже нечего. Польский социализм к тому времени почил в бозе, в стране установился капиталистический порядок, бушевала инфляция, а перерасчет офицерского жалованья за ее бурными темпами не поспевал. Офицерскому составу приходилось выживать за счет унижительной спекуляции телевизорами и ювелирными украшениями. Дитя лейтенанта Шмидта поневоле, я – жена офицера – везла два телевизора, три чемодана с кастрюлями, постельным бельем и сорок два грамма золотых изделий: кольца, серьги, цепочки.

Июль, жара стояла несусветная. Белорусский вокзал дрожал и плавился подобно миражу, каблуки вязли в жидком асфальте. Я забрала «Горизонты» из камеры хранения и нетерпеливо озиралась в поисках носильщика.

– Внимание! Поезд номер 237 Москва – Брест отправляется с четвертого пути. Время отправления 17:45, – апатично возвестила утомленная жарой дежурная.

Следовало торопиться, мимо, волоча за собой гомонящую детвору и чемоданы, проносились люди. Я без посторонней помощи сдвинуться с места не могла. Продолжая вертеть головой в поисках красномордого дядьки с заплыванной тележкой, я начала нервничать. На мою беду он не появлялся.

Привокзальные часы показывали 17:30, когда мой удрученный взгляд привлек внимание, шедшего мимо молоденького лейтенанта ВВС.

– Вам помочь? – быстро оценив обстановку, спросил он.

Я радостно кивнула, на просьбы и объяснения времени не оставалось. Парень взгромоздил на плечо один из моих телевизоров, свободной рукой подхватил чемодан и спросил:

– Номер вагона?

– Восьмой.

Брови молодого человека изумленно взлетели вверх.

– И мне в восьмой! Девушка, это судьба.

В тот момент судьба волновала меня меньше всего, и я заторопила ниспосланного мне ангела-носильщика.

– Можно быстрее? У меня еще один телевизор и два чемодана...

Симпатичный незнакомец обернулся быстро, вот уже и второй телевизор был погружен в тамбур, теперь я наблюдаю, как молодой человек пытит под тяжестью двух неподъемных чемоданов.

– Что вы туда положили? Кирпичи? Гири? Золотые?

– Если бы, – возразила я. – Но я так вам благодарна. Еще

несколько минут, и я бы никуда не уехала. Так бы и торчала со всем этим хламом на перроне.

Молодой человек белозубо улыбнулся, и я заметила на его левой щеке трогательную ямочку.

– Ну какой же это хлам? Гири, телевизоры. Да это целое состояние! Итак, невеста с приданным, куда прикажете складировать?

В этот момент толстая проводница с рыжими, прилипшими к потному лбу кудельками разъяренно пихнула коробку ногой и пригрозила:

– Если щаз же не уберете – назад вышвырну!

– Седьмое купе, пожалуйста, – попросила я.

– И у меня седьмое. Вот это да! Нет, как хотите, а это перст судьбы! – парень сбил фуражку на затылок.

И я увидела, что глаза у него огромные карие, цвета темного пива.

В тот раз я путешествовала в СВ – спальном вагоне с двухместными купе. Билет стоил аж 47 рублей, баснословно дорого по тем временам. В кассе билетов не оказалось, и мне пришлось обратиться к дежурному коменданту, он предложил неостребованную бронь в СВ, и я согласилась. В противном случае пришлось бы куковать на вокзале до следующего вечера.

Итак, мы оказались в одном купе. Вдвоем. После того как Илья, а ангела звали именно так, убрал багаж и открыл окно, я попросила его выйти, мне хотелось переодеться. Натянув

майку и шорты, я высунулась в коридор. Тесным пассажирами, Илья, торчал под дверью, поминутно козыряя проходящим офицерам.

– Я готова, – сообщила я. – Ваша очередь.

– С удовольствием избавлюсь от этого панциря. И перестану вздрагивать при виде майоров и подполковников, – сострил он, скрываясь в купе.

Поезд тронулся, мимо поплыли лица провожающих, дома, дороги, запахло углем – проводница затопила титан. Я чувствовала слой липкой грязи на лице, страшно хотелось умыться. Догадливый Илья выглянул из купе и предложил:

– Вы приводите себя в порядок, а я, с вашего позволения, займусь ужином.

Галантность попутчика располагала, и я благодарно улыбнулась молодому человеку. А он был совсем юным, на вид лет двадцать не больше. Открытый взгляд, прямой нос с легкой горбинкой и по-детски пухлые губы, правую бровь пересекал короткий серебристый шрам.

– Вы только после училища? – поинтересовалась я.

– Армавирское закончил, сейчас к месту службы.

– На юг? В Легницу?

– Вы определенно ясновидящая. Как вы догадались?

– Тут никакой экстрасенсорики не требуется. Мы с мужем четыре года на севере отгубили, и я знаю, что летный полк дислоцируется в Легнице. У нас в Борнэ только вертолетчики и танкисты.

– Так вы замужем? – невольно вырвалось у него.

Моментально спохватившись, он все обернул в шутку:

– Эх, зря я, значит, телевизоры таскал. Понравиться хотел. Вот всегда так. Если девушка мне симпатична, то она непременно замужем! И где после этого справедливость?

– Не отчаивайтесь. Ваша красавица, Илюша, еще впереди, – парировала я, доставая пакет с туалетными принадлежностями.

Выйдя из купе, я обнаружила, что в туалет выстроилась толпа, и я торилась в очереди не меньше получаса.

Вернувшись в купе свежей и чистой, я опешила: на столике в бутылке из-под «пепси» красовались невесть откуда взявшиеся ромашки, рядом стояли тарелки с жареной курицей, апельсинами и сервелатом.

– Да вы просто волшебник! – ахнула я.

Илья озорно подмигнул и картинным жестом пригласил меня к столу:

– Все для вас, мадам. Все для вас.

Взял бутылку и разлил шампанское по граненым стаканам.

– За судьбоносную встречу! Напомню: меня зовут Илья. Илья Шарамко.

– Меня – Наташа. У вас необычная фамилия.

– Сейчас вы спросите, не произошла ли моя фамилия от слова «шаромыжник». То есть прохиндей. Возможно. Но история происхождения моей фамилии весьма занимательна.

Илья глотнул шампанского и поморщился.

– Ох, уж эти мне пузырьки. Так, о чем бишь я? Да, о фамилии. Так вот, корни ее возникновения уходят во времена наполеоновского нашествия, точнее, бегства французов из Москвы. Голодные и оборванные горе-вояки по дороге попрошайничали, обращаясь к местным крестьянам не иначе как «*sher ami*» – «дорогой друг». Мужики, недолго думая, прозвали их шаромыжниками.

– Любопытно. А я про свою ничегошеньки не знаю, – посоветовала я, отправляя в рот очередной ломтик сервелата.

– Назовитесь, и, быть может, мне удастся пролить свет на сию великую тайну, – улыбнулся Илья, от шампанского на его щеках проступил застенчивый румянец.

– Нынешняя малоинтересна, а девичья – Панина.

– О, не являетесь ли вы, благородная дама, достопыльным потомком государственного деятеля эпохи Екатерины II, воспитателя Павла I – графа Никиты Панина?

– Лестно, но вряд ли. Отец родом из деревеньки под Ульяновском, так что мое графское происхождение решительно отменяется, – веселилась я.

В окно рвался теплый летний ветер, остро пахло тепловозной гарью, пылью и луговыми цветами. А Илья продолжал рассказывать. Его баритон – низкий, чувственный, почти синатровский – волновал и завораживал. Он знал все на свете. Или почти все. Рассказывая, он не отрывал от меня зачарованного взгляда, и я чувствовала, как у меня начинает

медленно кружиться голова. Увлечшись, он пылко брал меня за руку, и по нервно вздрагивающим пальцам я понимала, что он крайне взволнован. Выяснив, что по образованию я переводчик, он неожиданно заговорил на хорошем английском, сетуя, что ему не хватает практики. Я была ошеломлена, потрясена. Да что там – практически повержена.

«Как этот утонченный юноша оказался в армии?» – недоумевала я, но спросить не отважилась.

В купе незаметно закрались сиреневатые сумерки, за окном неслись бескрайние просторы, перелески, одинокие хутора с покосившимися заборами, шампанское закончилось, а мы все говорили и говорили. Из коридора слышался хохот, кто-то пел под гитару, нам стучали, приглашая присоединиться к веселью, но мы не отзывались. Нам было хорошо вдвоем...

В полночь я предложила закругляться.

– Завтра в шесть мы будем в Бресте. Нужно выспаться, – пояснила я.

– Но по карте от Бреста до Легницы уже пустык, – возразил Илья.

– Все не так просто. В Бресте вагоны будут «переобувать», так что нам придется болтаться по городу до вечера.

– Переобувать? Вагоны? Это шутка?

– Отнюдь. В отличие от нашей, польская железная дорога – узкоколейка, потому требуется менять вагонные колеса. Обычно на это уходит весь день. Таможенный досмотр сра-

зу перед посадкой. Поляки проверяют при пересечении границы, в вагоне. В час ночи будем в Варшаве, там поезд расформируют, часть вагонов прицепят к легницкому составу, остальные покатят на север до Щецинека.

Илья слушал внимательно, в полумраке он выглядел старше и внушительнее.

– Значит, через сутки мы расстанемся? – вопрос застал меня врасплох. Я на секунду замерла и, вдруг, неожиданно для себя, наклонилась и поцеловала его в макушку. Он удивленно заморгал, я смутилась и, пытаясь сгладить внезапно возникшую неловкость, быстро взъерошила его черную шевелюру и перешла на дружеское «ты».

– Да, но ты обязан мне еще раз помочь!

Сконфуженный, но явно обрадованный Илья, охотно подхватил мой шуточный тон.

– Есть – быть вашим выучным ослом, мэ!

– Я не об этом.

По правилам военного ведомства, служащий имел право ввозить в Польшу лишь один цветной телевизор в год. Для этого выдавались специальные книжечки, в которых таможеня делала пометку о количестве уже ввезенных. Я нарушила правило, и надежда была только на Илью. Согласится ли он взять «вину», то есть второй телевизор, на себя?

– Ради тебя я не только телевизор, убийство Папы Римского на себя возьму! – это прозвучало как признание.

Я испугалась и, в попытке развеять, стремительно сгущав-

шиеся флюиды зарождающейся любви, спешно сменила тему:

– Спасибо. А теперь спать.

– Да-да. Спокойной ночи, – Илья послушно влез на вторую полку.

По потолку пробегали тусклые полосы света одиноких semaфоров и забытых богом полустанков, я лежала, уставившись в темноту, сон не шел. Тело изнывало и горело, душа маялась в каком-то невнятном предчувствии. Виновник моей бессонницы тоже не спал, но лежал тихо, едва дыша. От дикого напряжения мыслей и тел, воздух в купе превратился в плотный вибрирующий сгусток, мне чудилось, что я слышу легкое потрескивание проскакивающих в темноте энергетических разрядов.

«Что это, Господи? Бесовщина какая-то, – поносила себя я. – Выпила чуточку и разнюнилась! Утром все встанет на свои места».

Не помог ни счет розовых слонов, ни старательная визуализация ромашкового поля, час спустя я смирилась, обреченно уставившись в потолок. Илья, наконец, заснул, и я немного успокоилась. В тусклом свете занимающегося утра постепенно проступали очертания неубранного стола, я неслышно выбралась из постели и взглянула на Илью. Он спал тревожно, без конца вздрагивая и ворочаясь. Поправив сползшее вниз одеяло, я не удержалась и порывисто прижалась к его ладони щекой. Застыдившись, юркнула на место

и притихла.

Как рождается магия под названием «любовь»? Из чего? Из каких таких чудодейственных материй плетется невидимая сеть пленительного сумасшествия? Почему люди, познакомившиеся каких-то десять часов назад, начинают ощущать пронзительную щемящую близость и необъяснимую почти болезненную тягу?

День выдался пасмурный, мы оставили вещи в камере хранения и отправились бродить по городу. Илья пробовал шутить, но делал это нарочито, с каким-то надрывом, я вымученно улыбалась, но вскоре бросила притворяться и погрузилась в меланхолию. Глядя на меня, мой милый мальчик тоже поник.

– Что-то происходит? – осторожно спросил он, посмотрев на меня бесконечно внимательными умными глазами. – Ты изменилась.

– Тебе кажется. Просто погода... – мой голос дрожал, в глазах блеснули слезы.

Закапал дождь, и толпа прохожих редела на глазах. Дождь быстро разошелся, серый, мелкий, унылый. Мы спрятались в каком-то подъезде, на душе было тошно, отчаянно хотелось плакать, но я изо всех сил держалась.

– А давай в Брестскую крепость? Все равно делать нечего, – вдруг предложил Илья.

Я кивнула, куда угодно, как угодно, только бы отвлечься от мучительных мыслей о скором расставании.

Экскурсия не задалась, мы возвращались. Окна такси заливало бесконечным дождем, Илья мрачно смотрел прямо перед собой, я едва сдерживалась, чтобы не заплакать. Экскурсия меня доконала: сухонькая старушка-гид с белыми, как лен, волосами говорила страшные вещи. Она рассказывала об обороне Цитадели и Восточного форта крепости, о том, как бойцы, знавшие о падении крепости еще 30 июня, продолжали поодиночке сражаться до начала августа, выцарапывая на стенах надписи: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!» – все это переполнило чашу моих переживаний, и я разрыдалась, громко, горестно, безутешно. Растерянный Илья бережно обнял меня и быстро повел к выходу.

Я смутно помню, как мы вернулись на вокзал, как прошли таможенный досмотр. Люди и предметы проплывали мимо меня в пелене какой-то дикой слезливой одури. Помню только Илью, его надежную руку, его ласковый шепот:

– Все уже хорошо. Черт меня дернул тащить тебя туда! Хрупкая моя, нежная, трепетная. Я здесь, я с тобой.

Поезд тронулся в 19:30, мы, как прежде, сидели напротив, и я понемногу успокаивалась: привычная обстановка, близость Ильи, валерьянка и чай делали свое дело.

– Ты прости меня, – робко попросила я.

– Это ты меня прости. Нашел куда девушку пригласить, болван. Это ж все равно, что на кладбище, – горячо возразил он.

При упоминании о крепости я опять напряглась, он заме-

тил и порывисто обнял:

– Тебе нужно отдохнуть, Та. Ты устала. Поспи, а я рядом посижу. Хорошо?

Я послушно кивнула, прилегла на одеяло, смежила веки и быстро забылась. Сквозь сон я чувствовала, как он гладит мои волосы, слышала обрывки разговора с польским таможенником. Илюша объяснил, что жена больна и документы он покажет сам...

Проснулась я от внезапной тишины. Ни тряски, ни стука колес, ни голосов. Темно и тихо.

– Что происходит? Где я? – мелькнуло в голове. В панике я резко вскочила и больно ударилась головой о верхнюю полку.

– Тише, солнышко. Испугалась? Я здесь, – Илья свесился вниз, вглядываясь в темноту. – Мы в Варшаве. Я договорился с проводницей, мы можем оставаться в вагоне. Я уйду минут за пятнадцать до отправления, оно в 3:30.

Я онемела. Мысль о том, что через два часа мы расстанемся навсегда, пронзила все мое существо, и я затрепетала, как насаженная на булавку, умирающая бабочка.

– Ты... Я... – слова не шли с языка. Во рту пересохло, было трудно дышать.

Он все понял. Спрыгнул вниз. Опустился на колени и уткнулся лицом куда-то в живот. Я обмякла и, точно в замедленной съемке, тихо сползла вдоль его тела на пол, сухие горячие губы Ильи коснулись моих.

– Я не смогу без тебя, Та, – выдохнул он.

– Молчи, – я поцеловала его так сильно, что сама застонала от боли.

Бережно, словно касаясь святыни, он дотронулся до груди, и мне показалось, что я теряю сознание. Осторожно, словно боясь нарушить великое таинство, он снимал с меня одну вещь за другой, рывком сорвал с себя рубашку, и вот так, стоя на коленях, друг против друга, но не касаясь, мы простояли минут десять, глаза в глаза, содрогаясь от горячечной близости дрожащих тел. Мне казалось, будто внутри меня зажгли свечу, и я источаю свет, точно храм, – храм божественной любви... В голове грянули звуки органа, строгие и торжественные, они нарастали, постепенно набирая мощь, потрясая душу, сметая преграды, стирая условности, яростно провозглашая единый жизнеутверждающий смысл всего сущего – Ее Величество Любовь. Ослепительная вспышка – и возникла другая вселенная: грандиозная, ошеломительная, без мещанской морали и обывательских шаблонов, полная всепоглощающей нежности и гармонии. Вселенная, где существовали только двое. Я и Он. Илья глухо зарычал и властно привлек меня к себе, я застонала, наслаждение было столь ярким, что граничило с болью. Внутри бушевал восторг, было жарко и сладко, упоительно и страшно. Страшно от сознания, что так хорошо не бывает. Не может быть. И боги не простят...

Любовный бред, срывающийся шепот, торопливые ласки

и тщетные попытки навсегда слиться в единое целое, растаять в чужой плоти, умереть, осыпая друг друга поцелуями. Мокрые от пота и слез, а я плакала от невыносимого блаженства, мы не могли остановиться. Мы были в другом измерении, измерении любви, я не знаю, которое оно по счету – шестое, седьмое, десятое, – но оно точно есть. От Ильи терпко пахло юностью и потом, мы задыхались от нежности и любили, любили, любили, стараясь вобрать в себя все возможное и невозможное, рвались налюбоваться впрок, на все нескончаемые дни предстоящей разлуки...

Очнулись, когда проводница настойчиво забарабанила в дверь.

– Эй, больные! Пора. Легницкий отходит через 10 минут.

Точно громом пораженные, мы, наконец, разжали объятия. Потерянная и несчастная, я наблюдала за одевающимся Ильей. В тот момент я узнала, что такое настоящая боль. Из меня будто вырвали все внутренности. Разом. Душа моя собиралась и отлучалась вместе с ним, оставляя мне лишь пустую никчемную оболочку. Я больше себе не принадлежала...

Он остановился у двери, порылся в чемодане и достал бархатное сердечко синего цвета – простенькую игольницу, утыканную десятком новеньких иголок.

– Это все, что я могу тебе подарить. Но это самое дорогое – подарок мамы. Талисман. Символ моего израненного любовью сердца. Не смей вытаскивать иголки. Если заржавеют,

значит, разлюбил. Но это невозможно, слышишь? Не плачь, я найду способ приехать. Мы будем вместе, любимая, – он метнулся ко мне, куснул в губы и рывком распахнул дверь.

– Я вернусь к тебе, слышишь! – на ходу прокричал он.

Меня охватило предчувствие, что я его больше не увижу.

И я с трудом удержалась, чтобы не броситься ему вслед.

Всю ночь я проплакала, прижимая к груди теплое мохнатое сердечко, мне мнилось, что оно бьется и трепещет в ответ. В семь утра в Щецинеке меня встретил муж. Равнодушно клюнул в щеку и, не заметив заплаканных глаз, поинтересовался:

– Все довезла? Молодец. Я на машине, – поднял коробку с телевизором, крякнул и потащил к запыленному уазуку.

Прошло два месяца. Я терпеливо ждала. Пыталась навести справки. Безрезультатно. Наконец, я придумала выход. Поводом для поездки к Илье послужило мое слабое зрение, оно давало мне право на операцию, а делали ее в Легницком военном госпитале. Сдала необходимые анализы, собрала справки. По утрам доставала нелепое сердечко и целовала, признаваясь в любви, точно живому. Иголки сверкали и переливались.

– Любит! Любит! Любит! – ликовала я, осыпая их поцелуями, больно кололась и блаженно улыбалась, вытирая выступившие на губах капельки крови.

Вскоре все было готово. Операцию назначили через неделю. Я паковала чемодан, рисуя в воображении встречу со

счастьем, достала игольницу и вдруг обнаружила, что иголки заржавели. Все. Все до одной.

Сердце заухало так, точно в нем поселилась дюжина полоумных сов.

– Что это? Разлюбил? Не может быть!

Я не находила себе места. Не дождавшись мужа, понеслась в штаб гарнизона. Командир полка был нашим другом, и я бросилась напрямиком в его кабинет.

– Гаврилыч, помоги! Умоляю! Нужно навести справки об одном человеке. Срочно!

– Не понял. О каком человеке речь? – с изумлением воззрился на меня Кашинцев. – Ты какая-то странная.

Опомнившись, я сочинила небылицу о соседке-десятикласснице, по уши влюбленной в молодого летчика.

– Но уже месяц как он ей не пишет! Ленка ревет белугой. Позвони в штаб Южной группы, узнай. Может, парня перевели куда?

– Ладно, сейчас попробуем. Ох, Наталья, умеешь ты из людей веревки вить, – пригрозил мне пальцем Алексей, и взялся за телефон. – Николай Михалычу звякну. Летчик он, говоришь? Фамилия, имя?

Я назвала, зубы при этом лязгали так громко, что я боялась, как бы Кашинцев не услышал.

Спустя пять минут спустя я узнала, что Илья погиб. Разбился. Во время тренировочного полета в воздухозаборник попала птица. Катапульта не сработала...

Я долго плакала. Очень долго...